

ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Искусство лирической актрисы

В свое время один из корифеев русской сцены, А. И. Южин, писал о том, как трудно найти настоящую лирическую актрису, что во время своей большой гастрольной поездки, присматривая новую артистку для Малого театра, он «не встречал ни одной поэтической актрисы».

Артистку Московского драматического театра им. К. С. Станиславского Л. Гриценко с полным правом можно назвать лирической, поэтической актрисой.

Первое впечатление, которое остается, когда смотришь ее на сцене, — это ощущение непосредственности, тонкой лирики, легкого, естественного юмора. Гриценко искренне передает чистоту полудетских, полудевичьих чувств своих юных героинь. Актриса привлекает не только обаянием непосредственности, но и искусством жить на сцене сложной и напряженной внутренней жизнью.

Умение глубоко и страстно воспринимать, слушать, умение интенсивно и насыщено жить на сцене — свидетельство подлинной талантливости актрисы. Так построена почти вся роль Нины Чавчавадзе в спектакле «Грибоедов». Нине — Гриценко верится, что она все время внутренне растет, что в ней накапливаются большие духовные богатства.

Дарованию актрисы присуща редкая музыкальность. Это ее природное качество развито годами упорного труда — она училась на оперном отделении Оперно-драматической студии им. Станиславского, занималась в классе А. В. Неждановой.

У Гриценко хранится фотография — Нежданова в роли Волховы. На обратной стороне фотографии написано: «Никогда не успокаивайся на сделанном, помни, что возможность совершенствоваться в искусстве неисчерпаема. Вдохновение и искренность переживаний всегда должны сочетаться с упорным и долгим трудом. Лиде Гриценко от Неждановой».

Этот наказ молодая актриса выполняет строго и, кроме спектаклей и репетиций, кроме большой работы в кино, на радио, эстраде, неустанно и усердно занимается сценическим мастерством, голосом, движением, танцами. Музыка сопутствовала Гриценко с первых ее артистических шагов. И, став драматической актрисой, она не изменила музыке. Все лучшие роли Л. Гриценко музыкальны, имеют свой четкий ритм и ясную мелодию. В музыке актриса часто находит верно образа.

Вот служанка Шарлотта в «Наследниках Рабурдена» — бегае по дому, прибирает, хлопчет, суетится; вдруг за окном шарманщик заиграл простую, грациозную, чуть грустную французскую песенку, — Шарлотта выпрямилась, отвела со лба волосы и так и застыла с трипкой в руках, улыбаясь и тихонько подпевая... Ту же мелодию она напевает в минуту встречи со своим женихом, с нею они уходят из дома Рабурдена. Это песенка их юности, их любви... И в этой бесхитростной мелодии Гриценко нашла тему Шарлотты, она звучит у нее как выражение мечты простой девушки о счастье, мечты, ради которой она борется с Рабурденом.

Вот Нина Чавчавадзе, охваченная волнением первой любви, глубокой думой о своем Грибоедове, садится за клавиш и поет романс на слова Пушкина:

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине...

Ее расширенные, полные слез глаза вдумчивы и сосредоточены, она вслушивается в звуки романса, словно они помогают родиться и окрепнуть ее чувствам и мыслям, и романс выливается у нее, как монолог, как раздумье над судьбой любимого человека...

А это и есть тема образа — великое усилие и мудрость любви, помогающей девочке, почти ребенку, понять Грибоедова, постичь все величие и горечь его судьбы, стать ему достойной подругой.

Нина Чавчавадзе в пьесе С. Ермолинского «Грибоедов» — лучшая роль Гриценко. Актриса уловила в роли черты, созвучные ее дарованию, наполнила ее глубоким лирическим волнением.

Нина — Гриценко вбегает на сцену со своей подругой, прячась от докучных гостей.

Это высокая черноглазая девушка с худенькими руками и чуть угловатыми движениями, почти девочка. Прерывающимся от волнения, тоненьким голосом она сообщает подруге, что решила ночью итти на кладбище, чтобы перестать быть трусихой. Гриценко смотрит в темноту зрительного зала, словно вглядывается в тьму южной ночи, и кажется, вместе с нею начинаешь видеть и эту ночь, и звезды, и белеющие вдали кресты кладбища; видишь потому, что видит она.

Вот она вбежала в комнату и увидела только что приехавшего Грибоедова. «Грибоедов!» — вырывается у нее счастливый возглас. Она застывает на месте, не в силах оторвать от него глаз, и кажется, что в эту секунду у нее останавливается дыхание, все вокруг мгновенно исчезает, меркнет, вся она словно растворяется в жадном и в то же время застенчивом созерцании.

Неожиданный приезд Грибоедова — радостное потрясение для Нины, она стоит оглушенная, подавленная, но счастливая.

Нина — Гриценко слушает признание Грибоедова, слушает с таким трепетом, с такой радостью и одновременно испугом, что понимаешь, какое для нее это огромное, великое, почти грозное в своем значении событие. Медленно поднимает она полные слез глаза, смотрит на него долго, словно не может сразу постигнуть весь смысл происходящего.

Внутренний монолог Гриценко в этой сцене можно передать словами Л. Н. Толстого, описывающего мысли и состояние Наташи Ростовской, когда она слушает предложение князя Андрея (в Нине — Гриценко вообще есть черты, напоминающие этот образ): «Неужели это правда? Неужели правда, что теперь уже нельзя шутить жизнью, теперь уж я большая, теперь уж лежит на мне ответственность за всякое мое дело и слово?».

Ее захлестнула волна радости, она словно захлебнулась в своем счастье; все так же, почти не дыша, поднимается она с кушетки и, не сводя с Грибоедова сияющих глаз, полных радости, надежды и испуга, медленно движется к двери. Вот она переступила порог, закрывает за собой дверь, но все не может оторвать взгляд от Грибоедова; дверь постепенно закрывается, щель становится все уже, но до самого конца мы видим из-за двери эти жадные, замороженные, испытующие глаза...

Любовь Нины у Гриценко — это высшее напряжение всех духовных сил. Не такая уж легкая и бездумная жизнь у этой девочки. Она очень требовательна к себе, у нее огромная внутренняя взыскательность, серьезность, чувство ответственности за каждый свой поступок. Жизнь кажется ей и прекрасной и грозной, манит и страшит своей глубиной, которую она как бы предчувствует своим детским сердцем.

Уже в первой сцене мы видим у Нины — Гриценко зарождение тех душевных сил, которые затем разовьются и сделают для нее возможным тот подвиг любви и верности, которым стала ее жизнь после гибели мужа.

Последняя сцена спектакля... До Нины дошла весть о гибели Грибоедова. В ее глазах — ужас, печаль и гнев.

Грузинский поэт Г. Орбелиани в год, когда овдовела Нина, написал стихотворение «Плачущей Нине Чавчавадзе».

Глаза твои огромные

Внезапным горем ранены,

Печальные и томные

Слезами отуманены.

Но Нина — Гриценко борется со своими слезами.

Юная девочка огромным усилием любви, героическим напряжением души поняла все величие Грибоедова, встала с ним рядом. Она достаточно глубоко узнала его, чтобы понять, что он не умер, что он будет жить вечно. И взгляд ее, глядящий сквозь слезы в даль, светел. Не смертный, последний путь мужа видит она, а его вечный и славный путь через годы и столетия.

Описывая плачущую Нину, Орбелиани в конце стихотворения неожиданно говорит:

...И радостно

Смотреть в глаза бездонные.

Глядя на Нину — Гриценко в финале спектакля, понимаешь смысл этих слов поэта. Да, радостно, ибо всегда радостно видеть мужество и чистоту человеческого сердца.

К сожалению, во всех других работах последнего времени лучшие качества актрисы оказываются нераскрытыми или почти нераскрытыми.

Недавно Л. Гриценко сыграла Шарлотту в спектакле «Наследники Рабурдена» Э. Золя. Простая девушка в огромных деревяных сабо, в полосатых чулках, с подогнутыми юбками, смешливая и лукавая, вызывает симпатии зрительного зала.

В первом акте у Гриценко есть чудесная сцена встречи с приехавшим к ней возлюбленным. Они усаживаются на ступеньки лестницы, смеются, не могут наглядеться друг на друга, наговориться досыта, поют песенку, вспоминают и мечтают. «А помнишь мельницу тетюшки Нанон? Помнишь, я спускалась вся белая от муки, а ты ждал меня у плотины? А потом мы искали птичьи гнезда...». — задумчиво говорит Шарлотта. И начинаешь видеть и старую мельницу, и плотину, и двух подrostков, играющих в тени старых деревьев... На секунду возникает прошлое этих людей, их биография, кусочек какой-то простой и счастливой жизни, так не похожей на то, что делается в доме Рабурдена. Но в дальнейшем течении спектакля эта прозвучавшая в первом акте лирическая тема гложет, начинается стремительный вихрь комедийного представления, и Шарлотта — Гриценко порой теряется в этой суматохе беготни и трюков, исполнение ее заметно бледнеет.

В спектакле «С любовью не шутят» Гриценко сыграла и Леонору и Беатрису. В роли Беатрисы у нее есть острые характерные черточки и та серьезность, которая делает персонаж комедии истинно смешным. Актриса тонко показывает, как за непреклонностью и надменностью Беатрисы скрывается досада на то, что она не знает любви, счастьем которой живет ее сестра.

Обаятельно, грациозно играет Гриценко и роль младшей сестры — Леоноры. Но в этой роли есть многое, что кажется не свойственным индивидуальности актрисы, — есть налет какой-то нарочитой «испанности»: все эти кастаньеты, бурные испанские танцы не вяжутся с лирическим дарованием Гриценко, которое могло бы интересно, свежо и правдиво раскрыться и в этой роли.

Это — веселое представление, спектакль-шутка, спектакль-игра, и, естественно, многое в нем, в том числе и в игре Гриценко, условно. Актриса показывает здесь свое мастерство синтетической актрисы, свое обаяние, но она далека от задач подлинного перевоплощения, создания линии органической жизни на сцене.

Спору нет, такие роли, как Леонора, Беатриса, сделали свое дело в формировании Гриценко, они помогли ей обрести на сцене свободу, легкость и живость. Но теперь, когда она из них уже давно «выросла», ей по плечу задачи гораздо более интересные и сложные.

Частые выступления в подобных ролях, по сути, уже ничем не обогащая актрису, приводят ее к заметному однообразию приемов, к повторению красок наивного простодушия и лукавства. Даже в такой работе, как Нина Чавчавадзе, в одном-двух местах есть налет этой «игры», этого подчеркивания непосредственности и обаяния.

Театру необходимо подумать о настоящей работе для Л. Гриценко. Она не играет ни одной большой, серьезной современной роли, не создала еще и настоящего классического образа. Не говоря уже о том, как могло бы это обогатить репертуар театра, самой Гриценко насущно необходимы роли, которые поставили бы перед ней новые сложные творческие задачи, с еще большей глубиной раскрыли бы искусство этой обаятельной и своеобразной актрисы.

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.